

Содержание

Предисловие

Ольга Седакова

Почему Элиот?..... 9

Лекция 1

Красота и смысл 22

Ответы на вопросы..... 51

Лекция 2

Красота и истина..... 60

Ответы на вопросы..... 83

Лекция 3

Красота и реальность..... 92

Ответы на вопросы..... 119

Лекция 4

Значение уродства..... 128

Ответы на вопросы..... 153

Приложение

<i>Томас Стернз Элиот</i>	
Пепельная Среда	161
<i>Джон Китс</i>	
Ода греческой вазе.....	173
<i>Альфред Теннисон</i>	
Цветок, расцветший в трещинке	176
<i>Клайв Стейплз Льюис</i>	
Chanson d'Aventure.....	177
<i>Клайв Стейплз Льюис</i>	
Последний пассажир	178

Книга представляет собой четыре лекции митрополита Антония Сурожского, произнесенные им в 1982 году под общим названием «Смысл и красота» в Университете графства Кент на чтениях, посвященных памяти христианского поэта Томаса Элиота.

Этот материал уникален, он никогда еще полностью не публиковался в России.

В Приложении — стихи Т. С. Элиота, К. С. Льюиса, Д. Китса и других.

Предисловие

Ольга Седакова

Почему Элиот?

«Элиотовские лекции» удивят всех, кто слышал проповеди, беседы, лекции владыки Антония, митрополита Сурожского; тех, кто, как сам он сказал в своей неповторимой манере, «настолько неразумен, что читает мои книги». К этим очень многочисленным неразумным отношусь и я (стоит заметить, что книги митрополита Антония читают в переводах на многие языки, поскольку он принадлежит к самым авторитетным и любимым духовным писателям современности). То, что я читала в 70-е годы, были еще не книги (до советской Москвы они не доходили), а самиздатские списки проповедей и бесед, и эти машинописные списки были событием моей жизни. Уже позже мне выпало счастье слышать владыку вживе, на «подпольных» встречах в московских квартирах, а потом и в Лондоне... Владыка совсем не часто вспоминал в своих беседах поэтов, художников, да и вообще искусство. Он и в частных беседах не раз говорил, что слишком мало во всем этом

сведущ, что опыт художника — иной, чем его, монашеский опыт. И вот — Т.С.Элиот и беседы о красоте. Мы встречаемся здесь с владыкой Антонием, которого еще не знали.

Кроме Т.С.Элиота, с которого все начинается, мы увидим на этих страницах ссылки на Данте, Гёте, Сервантеса, Диккенса, Гоголя, Достоевского, Вл. Соловьева, Гофмансталя, Брехта, Шеффеля, Нерваля, Бодлера, Валери, Малларме, Китса, Э. По, Л. Коэна, Ч. Вильямса... На художников: Родена, Жерико, Утрилло, Ван Гога, абстракционистов. И — совсем неожиданно — на работы по теории архитектуры, на геометрические образы эллипса и параболы, с которыми связан один из самых интересных мотивов этих бесед о красоте. И на европейских мыслителей, психологов, историков культуры: Ницше, Шопенгауэра, Юнга, Мальро, Леви-Брюля... Я перечислила далеко не всех участников этих бесед. По большей части это писатели, художники, мыслители эпохи модерна, то есть той тревожной и драматической эпохи, «сложной» мысли и формы, с которыми наша церковная мысль общаться не привыкла. И обращение владыки к своим собеседникам неизменно внимательно и сочувственно, без малейшей тени учительства. Размышляя о красоте, владыка хочет «избежать клерикализма

и не говорить с точки зрения Священного Писания». Он даже отказывается от идеи слушателя, предположившего, что его представление о красоте сформировано православной иконой. Не знаю, как вам, читатель, мне трудно вспомнить православного писателя, который удержался бы от того, чтобы указать, в чем ошибался Ницше или чего не мог понять Стефан Малларме — и тут же образумить этих невеличких-безбожников словами «святых отец». Но владыка, если он в чем-то не согласен с Эдгаром По или Карлом Густавом Юнгом, возражает им как мыслящий человек мыслящему человеку. Если же он сочувственно приводит чьи-то слова (как, например, суждения Ницше о ценности хаоса, которому не следует предпочитать какой угодно «порядок», поскольку хаос полон новых творческих возможностей), то и не думает вспоминать при этом религиозной неблагонадежности автора «Заратустры».

Но почему все-таки Т.С.Элиот?

По первым же словам владыки — почти случайно. Ему однажды подарили книгу Т.С.Элиота «Убийство в соборе» со словами, что это драма о нем, о том, что с ним произойдет. В 1982 году, когда читаются эти лекции, владыка «все еще ждет исполнения этого

пророчества». Вот как будто и все. По ходу бесед владыка возвращается к Элиоту еще пару раз, но бегло. Так что тот, кто ждет от «Элиотовских лекций» развернутого разговора о Т.С.Элиоте, поэте, драматурге, эссеисте, его не найдет. Речь в них идет о красоте и безобразии (тоже, казалось бы, не самых центральных для Элиота темах; вообще красота в эпоху модерна становится вещью оспариваемой, — во всяком случае, традиционное представление о красоте). И вместе с тем, я думаю, название этих бесед «элиотовскими» точно и глубоко. Я попытаюсь объяснить, что имею в виду.

Зрелый Т.С.Элиот — в отличие от большинства своих творческих современников и в полемике с ними — поэт христианского и, больше того, церковного вдохновения. В те времена, которые другой большой христианский поэт XX века, Поль Клодель, назвал «временами великой апостасии»*, в эпоху, когда «высокая современная культура» и агностицизм становятся почти синонимами, открыто принять позицию конфессионального автора — большой вызов. Он

* Отступничества; имеется в виду отступничество европейской цивилизации от собственной христианской традиции.

требовал мужества. Мужество всегда присутствует в письме Элиота — как общий тон его стиха и мысли, как их ритм. Мужество слышится в каждом слове и жесте владыки Антония, это тон и ритм его веры, его свидетельства. Митрополит Сурожский и британский поэт (по мнению многих — первый поэт Европы XX века, «новый Данте») встретились в том, как оба они слышат дух своего времени. Мужеству в этом времени принадлежит важнейшая роль.

Час мужества пробил на наших часах.*

И нужно заметить, что это некое новое, особое мужество: не просто готовность принять какой-то реальный вызов, но сила отказаться от всего, что тебе представляется известным, в чем ты уверен, без чего, как тебе кажется, ты не сможешь жить. Это новое мужество едва ли не труднее прежнего.

Я сказал душе моей: молчи, и жди без надежды
Ибо надежда может быть надеждой
на что-нибудь ложное; жди без любви
Ибо любовь может быть любовью к чему-нибудь
ложному; есть еще вера.

* Из стихотворения Анны Ахматовой «Мужество», 1942

Но вера, любовь и надежда, они все — в ожиданье.
Жди без мысли, ибо ты не готова к мысли;
Именно так темнота превратится в свет
и неподвижность в танец*.

Это стихи из третьей части «Ист Кокера»,
второго из «Четырех квартетов» Т.С.Элиота.
А вот знаменитые стихи из второй части то-
го же «Квартета»:

Не говорите мне
О мудрости стариков, лучше об их дури,
Об их страхе бояться и терять разум,
их страхе обладать,
Принадлежать другому, или другим, или Богу.
Единственная мудрость, которую мы можем
надеяться обрести, —
Это мудрость смирения: смирение бесконечно.

В этих и многих других стихах Элиота
я слышу глубокое созвучие с мыслью владыки
Антония, и еще больше — с ним самим: здесь
как будто звучит тот же колокол. Колокол, кото-
рый не раз поминается в «Квартетах», — и ко-
локол, о котором замечательно говорил в од-
ном из своих слов владыка Антоний.

* Здесь и дальше я привожу стихи Т.С.Элиота в мо-
ем по возможности буквальном переводе.

«Убийство в соборе», с которого начинаются лекции, — великая христианская трагедия XX века. Средневековье, классическая эпоха христианского искусства, такого жанра не знало. По мнению многих, трагедия (в смысле классической античной трагедии) и христианство вообще несовместимы: глубокая вера как будто отменяет трагизм. Средневековое христианское искусство в целом не трагично (и особенно — византийское искусство). Его самым общим образом можно назвать псалмодией или, по удачно найденному Данте слову, теодией: песнью Богу, славящей, благодарящей или покаянной.

Трагическое пламя всегда было заключено в литургических службах Страстной седмицы, в мистериях Страстей.

— Боже мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил? (Мк. 15: 34.)

— Люди мои, что Я сделал вам? (Из песнопений Великого Четверга.)

Но это пламя хранилось, как в сосуде, в сложно и тонко организованной, иерархической, символической структуре мира и смысла, который выстроило христианство, в привычном обиходе, в семейной и национальной традиции христианских стран. XX век, как никогда прежде, услышал этот трагизм совсем открыто: трагизм святости.

Православный священник, подаривший владыке Антонию «Убийство в соборе» как пророчество о том, что с ним произойдет, несомненно, был поражен не только сюжетом, но самим сходством владыки с протагонистом пьесы, святым Фомой Бекетом, архиепископом Кентерберийским. В самом деле, эта близость удивительна: как будто Элиот, изображая английского католического иерарха-мученика XII века, видел перед собой митрополита Сурожского. Каждый, кто встречал владыку Антония и читал трагедию Элиота, с этим согласится. Прежде всего, они похожи тем, насколько радикально (одно из любимых слов владыки) каждый из них отличается от всех, кто рядом с ними, не только тех, кто с ними враждует, но и тех, кто их почитает и любит.

Архиепископ Фома у Элиота противостоит всем остальным действующим лицам пьесы: не только четверем убийцам, подосланным королем Генрихом II, но и четверем священникам, служащим с ним, и хору своих прихожан. Его радикальное отличие от всех них в одном: Фома не может не идти до конца, подчиняясь единственному императиву — правды перед Богом. Остальные не знают абсолютной силы этого императива. Они хотят и требуют от своего архиепископа другого: пожалеть себя и их,

не доводить дела до крайности. Они полагают, что компромисс в порядке вещей, что мир таков и другого нам не дано: иначе не проживешь. «Все-таки мы жили!» — поет хор паствы, упрашивая своего епископа удалиться во Францию, откуда он прибыл к неминуемой развязке. Конфликт состоит в том, что Фома не признает за королем права на власть в церкви и (сам бывший придворный) знает, чем такое сопротивление кончается. Последнее из четырех искушений, которые он преодолевает, — мечта о мученичестве, желание мученичества по собственной воле. Фома принимает мученическую смерть не от язычников или безбожников: его убивают в христианской стране люди, которые несомненно считают себя христианами. Убийство происходит в соборе и вписано в структуру литургии.

Тот же хор смиренной паствы, умолявший Фому покинуть их и не делать того, что он делает, в финале прославляет своего нового святого, нового заступника. Как известно, и сам король, Генрих II, приславший убийц, придет на поклонение к месту мученичества Фомы. Такой исторический «хэппи-энд» только усиливает трагичность христианской трагедии.

Владыка Антоний необыкновенно похож на этого героя Элиота. Трудно подумать, что

он не узнавал себя в Фоме. Но у Элиота есть образ, еще ближе напоминающий владыку. Это стихи о «раненом военном хирурге»:

Раненый военный хирург внедряет сталь,
Допрашивая поврежденную ткань;
Под окровавленными руками мы чувствуем
Острое сострадание искусства целителя,
Которое разгадает тайную карту лихорадки.

Наше единственное здоровье — болезнь,
Если мы будем послушны умирающей сиделке,
Чья постоянная забота — не угодать,
А напоминать о нашем, и об Адамовом проклятье
И что недуг, чтобы нас покинуть, должен дойти
до предела.

Вся земля — наш госпиталь
На содержании банкрота миллионера
Где, если все обойдется, нам предстоит
Умереть от абсолютной отеческой заботы,
Которая нас не оставит, но настигнет везде.

Холодок поднимает от ступней к коленям.
Жар поет в проводах ума.
Чтобы согреться, я должен окоченеть
И дрожать в ледяных кострах Чистилища
Чье пламя — розы и дым — шиповник.